

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

В. В. Денисюк
Умань, УГПУ

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Статья посвящена анализу фразеологических единиц с компонентами *голова*, *горло* семантического ряда 'умереть' в польском, украинском и белорусском языках XVI–XVIII вв. Исследование показало, что такие устойчивые единицы функционируют преимущественно в памятниках делового стиля и историографиях.

Исследование истории формирования лексического фонда были и остаются актуальными. Заметный интерес представляют те работы, хронологические рамки исследования в которых обозначены XIV–XVIII, а особенно XVI–XVII вв. – периодом господства в Украине и Беларуси польского и латинского языков, первый из которых оказал мощное влияние на стабилизацию тогдашних лексических норм, постепенно вытесняя на периферию лексической системы украинского и белорусского языков церковнославянский компонент. Исследователи (А. Булыка, Д. Гринчишин, А. Журавский, В. Русановский, Л. Полюга, М. Худаш и др.) указывали, что польский язык в течение указанного периода играл роль донора или был посредником в пополнении той или иной группы лексики. Многовековые контакты украинского, белорусского и польского языков сказались на всех ярусах их лингвосистем. Это касается и фразеологии. По этому поводу О. Ткаченко писал, что «каждый из языков передавал второму также собственные фразеологические обороты или становился посредником для передачи фразеологизмов других языков». В качестве примеров языковед приводит обороты *как дела?* и *bić czołem* 'бить челом'. Ученый делает логический вывод: «Языковые контакты обоих языков способствовали определенному их сближению при одновременном удалении украинского от восточнославянских, а польского от западнославянских, стали для этих языков еще и источником семантического и стилистического обогащения благодаря увеличению количества лексических синонимов. Вопрос украинско-польских языковых контактов до этого времени глубоко не исследован» [1, с. 770]. Этот же вывод непосредственно касается и белорусского языка.

Лексика как наиболее динамичный ярус украинской и белорусской языковых систем не могла не испытать влияния соседнего языка, тем более – хоть и кратковременно – государственного. Однако одно дело – заимствовать слово с его прямым значением, другое – устойчивое словосочетание, образованное путем вторичной номинации, в основе которой лежит языковая картина мира другого народа, пускай и родственного. Необходимо учитывать

и специфику сложившейся языковой ситуации, когда украинцы и белорусы де-факто приближались к трилингвам – владели староукраинским/старобелорусским, церковно-славянским соответствующей редакции и польским. Сплетение в сознании одной личности трех языковых картин мира позволяло легко переключать языковые коды, каждому быть посредником в заимствовании устойчивых словосочетаний. Если учесть тот факт, что существенной разницы между староукраинским и старобелорусским языками не было, тогда можно констатировать: все, что заимствовал староукраинский язык из польского или через его посредничество, становилось неотъемлемой частью старобелорусского и наоборот. Таким образом, белорусско-украинская вертикаль замыкала южный и северный векторы заимствований из польского языка. В нашей статье на материале польскоязычных текстов представителей украинского и белорусского этносов, а также украинских и белорусских памятников письменности XVII–XVIII вв. продемонстрируем фразеологические параллели между тремя языками.

В исследуемых памятниках значительную группу составляют фразеологизмы семантического ряда ‘умирать’. Активность выявляют те из них, которые образовались вокруг лексем для обозначения частей тела, потеря которых, разумеется, сразу вела к смерти человека. Например, в деловых текстах засвидетельствованы фразеологизмы с ядром *gola*, *gorlo*. В результате метонимического смещения семантика глагольного и именного компонентов растворяется в значении словосочетания. На основе ассоциаций слова создают образ, который является символом смерти. В польском языке XVI в., по данным исторического словаря, функционировало много вариантов с лексемой *gorlo*, которые реализовали семантику ‘умереть’: *gardlo nieść/przynieść* (SP VI, S. 202); *na gardle (gardlem, na gardło) pokarany (skarany)* (SP VI, S. 202); *gardlo ważyć (odwagać)/odważyć* (SP VI, S. 201); *gardlo pokładać (kłaść)/położyć* (SP VI, S. 202); *gardlo tracić (utracać)/stracić (utracić, potracić)* (SP VI, S. 203); *gardlem zapieczętować* (SP VI, S. 206). Такие устойчивые словосочетания фиксируем в польскоязычных письмах Б. Хмельницкого: *Lubo swawolnie z naszej strony wtargnęli byli kozacy w Księstwo Litewskie, tedy bez wiadomości naszej, którzy słuszną zapłatę, jako swawolnicy wzięli i **na gardle karalem*** (ДБХ, с. 96); *I te punkta, które teraz podajemy z woli i żądania wojskowego, w którychby cokolwiek mogło być urażliwego, abyś w. k. mość na mnie o ta za złe mieć nie raczył, gdyż to nie moja wola, ani mnie to jest tak potrzebno, tylko wojsko wszystko w. k. mość o to usilnie proszą, o tego zdrajcę mego, nie tylko mego, ale i wszytkiej Rzpltej, o Czaplińskiego, który upodobawszy sobie ubogie obejście moje, wytarł mię był ze wszytkich dóbr moich, i o to żem po kilkakroć suplikował do j. k.mci ś. p. pana brata w. k. mci, **przyprawil** mnie był do jp. charążego kor. **o gardło*** (ДБХ, с. 126); *Skoro ten list uniwersalny do rąk przyniosą, zaraz od horoda do horoda odsyłajcie, gdyż jeśliby miał, kto chce, godzinę zadzierżeć, a nie posłać, tedy przestrzegam i to publicznie oświadczam, że takowy jako za nieposłusznego uznany będzie, tak też według artykułów*

wojskowych dla przykładu i napomnienia drugih, aby w podobnymże razie wykraczać nie wazyli się, **gardlem karany będzie** (ДБХ, с. 181); *A którzyby znachodzili się mianowicie w tych krajach opryszki, w. m., mój m. p., swojej strony, a my swojej strony gromić rozkazaliśmy takich, jakoż pod bytności posłów w. m., n. m. p., jednych mężobójców **na garle karano**, a drugicli łapać kazaliśmy, którym takaż nagroda będzie* (ДБХ, с. 188).

Фразеологизмы с лексемой *горло*, которых, по данным картотеки Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в., насчитывалось 27 единиц, а Исторического словаря белорусского языка – 31, активно функционируют в памятниках письменности украинского и белорусского языков XVI–XVIII вв. разных жанров. Абсолютное большинство из них в XVI–XVIII вв. и в украинском, и в белорусском языках функционировало с семантикой ‘умереть’, что обусловлено экстралингвистическими факторами. Следует отметить и тот факт, что прерогативой все же остаются деловые тексты и историографии: *...врадникъ вонечинскии Микита Бело-стоцкии, мало, деи, ихъ **ω горло не приправиль*** (ДБВ, с. 152); *...тогда врьдъ... // не откладаючи мне ничего... яко вже пересужоного правомъ, такъ якомъ первей **горло понести** мель, тогда на тотъ часъ мене **горломъ карати** и екзекуцію остаточную на мнѣ виконати маеть* (1582 АрхЮЗР 8/III, с. 335 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...пловцы **горла свои важать**, жесея на оную отному пуцають, где тамъ сами изъ окрентами гинуть* (1614 Кн. о св., с. 440 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷), *...для народу нашего **горлом своим печатати** готовъ* (1598 Ист. фл. син., с. 48 зв. // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *Ты бо маєшь... **горлом своим** тую статечност свою **запечатати*** (1600 Катех., с. 76 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...отъ поган Турковъ и Татаровъ на каждее часы барзо не мало здоровье и **горла свои кладучи**, народу хрестіянского высвобожаяють* (1610 АЗР II, с. 59 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *Єго Милость... в таковых службах и **горла своего втратити** не лотовал* (1522 AS III, с. 235 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...духнин сын против руси зрадливе именовем кролевским пишучи відал за што **горло свое стратил** у вилни* (1599 ЦДІА Лен. 823, 3, 67, с. 6 зв. // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...готови не только врьдовъ позбывати, але и **горло свое** (для познаное правды) охотне **положити!*** (1599 Ант., с. 957 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *Волгъли при нем и **горла свои положити*** (XVII ст. Ал. Печ., с. 174 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...для покою людьскаго и **горло свое ставиль** в руки тиранови идучи* (XVI ст. УЄ № 29519, с. 281 зв. // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...кто **горло** и учтивость свою за якіи выступок **тратит*** (1605–1606 Перест., с. 42 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); *...мене самог мало **ω горло не приправил** и в тот час з господы моее взал служебника моего Ивана Лидоховског* (ЛЗК, с. 157); *И уѣхавши от Луцка мил сем за село кнѣз старосты житомирского ҃имицу, мене самого з возу выкинули **под горломъ гроздчи**, абых от них проч пошол, а сына моего Василя з собою повезли* (ЛЗК, с. 398); *Потым Скиргайло и Витолт тягнули до Полоцка, которого за малый час добывши сваволных и тых, которые были причиною той войны, мечем **на горль** и на маетностех **карали*** (ХЛЖ,

с. 66); ... еденъ другого **приправиль ѿ го(р)ло** (ДДГ, с. 319); *Кгда би синъ або дочка о(т)ца або матку свою умислне з(ъ) якої запам'яталости забылъ, и якимъ колвекъ обичаемъ **о горло приправиль**, тогди таковій не толко **го(р)ломъ быти каранъ**, але и почтливость и вси име(н)я и маетность тратить* (ДДГ, с. 319).

Частотность употребления и вариантность факультативных компонентов привели к образованию атрибутивно-субстантивной формы фразеологизма, засвидетельствованного в деловой документации Ивана Мазепы: *Теды яко непомаду дивуемся, же такое безправье в той мѣрѣ дѣется, так запобѣгаючи тому, щоб вперед такого в оных лѣсах спустошенья квалитовного не дѣялося, от вас мѣти хочем и под. строгим **горловым караньем** приказуем, жебы никто в преречоніи не важился вѣздити и оных вырубовати* (ДИМ, с. 165–166). Приведенные примеры ярко иллюстрируют доминирование в украинском языке XVI–XVIII вв. фразеологических единиц с лексемой *горло*, что, возможно, также несет на себе заметное влияние польской языковой традиции.

Исследуемые памятники свидетельствуют о спорадическом употреблении фразеологических единиц с лексемой *голова*, за которой закрепилось значение символа жизни, существования. В этом смысле компонент *голова* обычно употреблялся в таких сочетаниях: *голова спаде, голову покладати, головою наложити*. Использование их в текстах семантически обусловлено, поскольку они апеллируют к каждому об осторожности и предусмотрительности, потому что если не быть таким, то в любой момент можно лишиться головы, т.е. погибнуть. В большинстве контекстов эти фразеологические единицы передают желание человека погибнуть за свою веру и Отчизну: *Widzi pan bóg, żem ja najniższym będąc podnóżkiem najjaśniejszego majestatu w. k. m., z dzieciństwa lat moich, urodziwszy się urodzonym Chmielnickim, do tych sędziwych lat moich nie byłem nigdy w żadnej rebeliej przeciwko ś. majestatowi w. k. m., p. m. m. Jakoż znaczy wierna usługa moja jeszcze pospołu sławnej pamięci nieboszczyka rodzica mego, Michala Chmielnickiego, podstarościego czehiryńskiego, który na usłudze ś. pamięci p. ojca w. k. m., jako i wszytkiej Rzplitej, na Cecorze **głowę swą położył**: gdzie ja przy nieboszczyku ojcu mym srogie więzienie dwa roki przecierpiałem* (ДБХ, с. 122–123); *Gdyż nie po jedenkroć w. m. p. z nami, ekspedycje odprawowali, tedy z obudwu stron musiała być szkoda nienagrodzona, i teraz, jeżeli w. m. mój m. p. ulitowania nie zażyjesz, każdy przy swoim ubóstwie umrzeć gotów i **głowę położyć** zechce, bo leda ptaszek gniazda swego, jako może, ochrania* (ДБХ, с. 220).

В украинских и белорусских памятниках письменности фиксируем такие параллели: *Ледво окомъ мѣнешъ, алиж внетъ **голова спадеть** ...* (1622 Сак. В., с. 50 // КСУМ^{16–17}); *...за што Мы от давних часовъ **Головы свои покладаем**, за вѣру нашу православную, и за цѣлост Домовъ Божіих* (1648 ЦДІАК 1407, 61, с. 1 // КСУМ^{16–17}); *...впрод его милость отецъ Почаповский*

головою наложитъ, нижели тую церковь в посесси своее будет мел (1636 АрхЮЗР 1/VI, с. 728 // КСУМ¹⁶⁻¹⁷); Што все Мъстиславъ обгъчал, и голову свою за него положити готов будучи, и послал до кнзя Конрата Мъстиславъ, просячи, абы к нему пригхаль (Соф., Хроника, с. 324–325); Индрихъ, послышавши о томъ, выгхаль до Вротиславля, осадил Краковъ своими нгъмъцами, который ему присягли не подавати Кракова Белеславу и головы свои положити пригхаль (Соф., Хроника, с. 333); Отвгъца же ему Владимир и вси з ним князи: «Праведно сие есть, яко за вгъру святую умирающии от бога воздаяние приемлют вгъчное, и мы готовы встъ на войнгъ той з татарами и головы свои за вгъру святую положити» (ХЛЖ, с. 47); Мы встъ готовы есмы головы свои положити за тебе и за отчество свое, и ты нас поминати будеш в церквах святых и во книги соборныя впишеши в память грядущим народом». Князь же великий прослезися и рече: «Братия моя, добрии ргъчи ваши, а поневаж на земли почтен естем пред встъми вами болшею честию, а так того дгъля подобает мнгъ прежде вас за встъх вас голову положити, да прежде вас вгънец от Христа прииму, благая бо приях от господа, злых не могу терпгъти» (ХЛЖ, с. 55). В некоторых контекстах устойчивые словосочетания с лексемой голова дополнительно реализуют семантику жестокости расправы: И зъехавшыся много лиха хрестяном учынили, не по-хрестиянскии мучыли люди немилостиво, имаючи и затирали у-в ызбах и зажыгали, а иных людей под стену головами клали, лангъцуги великими хоромы подынимаючи, и з заду люди жгъгли, а иных женок и мужыков и малых дгъток на колье тыкали, а иных мук не могли выписати, которые муки хрестяном чынили (ЛР, с. 158).

В исторических словарях польского, украинского и белорусского языков эти фразеологические единицы кодифицированы со значениями ‘умереть в бою, от несчастного случая и т.п., погибнуть’, ‘отдавать жизнь’: *położyć głowę* (SP VII, с. 415); *głowę płacić/zapłacić* (SP VII, с. 415); *głowę podać* (SP VII, с. 415); *pod kose [śmierci] głowę podłożyć* (SP VII, с. 415); *głowę sadzić (dać) [pod miecz]* (SP VII, с. 415); *głowę tracić/stracić (zgubić)* (SP VII, с. 415); *głowu zbyć* (SP VII, с. 416); *головою наложити* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 250); *голову сокрушити* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 250); *зотерты голову* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 250); *на голову вдарити, на голову побити* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 251); *погубити голову* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 251); *стерти голову* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ VII, с. 251); *голову наложити* (ГСБМ VII, с. 36); *голову сложити (положити)* (ГСБМ VII, с. 36); *лечи голове* (ГСБМ VII, с. 36).

Исследуемый микроарсенал фразеологизмов с компонентами *голова, горло* семантического ряда ‘умереть’ свидетельствует о почти одинаковом наборе таких устойчивых единиц в польском, украинском и белорусском языках. Фразеологизмы представлены как предложно-именно-глагольными, так и именно-глагольными моделями, где наблюдается прямой и обратный порядок их составных. Активным факультативным компонентом выступает местоимение *свой*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткаченко, О. Б.* Українсько-польські мовні контакти / О. Б. Ткаченко // Українська мова : енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк [та ін.]. – Київ : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2007. – С. 770.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад Т. І. Блізнюк і інш. ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – Вып. 7. Гляденье – Девичество. – 303 с.

ДБВ – Документи Брацлавського воєводства 1566–1606 років / упоряд. М. Крикун, О. Піддубняк. – Львів, 2008. – 1218 с.

ДБХ – Документи Богдана Хмельницького / упоряд. І. Крип'якевич, І. Бутич. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1961. – 739 с.

ДДГ – Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: зб. документів / упоряд., автор передмови та комент. В. Й. Горобець ; відп. ред. Л. А. Дубровіна. – Київ : Наук. думка, 1993. – 392 с.

ДІМ – Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упоряд. С. О. Павленко. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2007. – 1144 с.

КСУМ¹⁶⁻¹⁷ – Картотека Словника української мови XVI – першої пол. XVII ст. Зберігається у відділі української мови Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України (м. Львів).

ЛЗК – Луцька замкова книга 1560–1561 рр. / підготували В. М. Мойсієнко, В. В. Поліщук. – Луцьк, 2013. – 733 с.

ЛР – Летопись Рачинского // Пол. собр. русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. XXXV. – С. 143–172.

Соф., Хроніка – Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. – Київ : Наук. думка, 1992. – 336 с.

СУМ¹⁶⁻¹⁷ – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. – Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1994–2015. – Вип. 1–17.

ХЛЖ – Хроника Литовская и Жмойтская // Пол. собр. русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

SP – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : IBL, 1972–1973. – Т. VI–VII.

The article is devoted to the analysis of phraseological units with the components *голова*, *горло* of the semantic series 'to die' in the Polish, Ukrainian and Belarusian languages of the 16th – 18th cc. The study showed that such stable units function primarily in monuments of business style and historiography.